

Лященко О. А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ДОМАШНИХ УСЛОВИЯХ В РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/58.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 138-140. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

различных шоу, никак не связанных с их родом деятельности. Так, он рассуждает о том, почему с телевидения ушли *профессионалы* (выделено нами - С.Л.): «Но, скажем, Леонид Парфенов... Не упомяну, может и случилось у него какое-то несовпадение с властью, но, полагаю, его решающий грех - то, что он *умеет*. Что - *мастер*» (НГ. 21.11.07).

Обращение к курсиву является мотивированным и в стилистических целях. В частности, таким образом журналист маркирует языковые единицы, создающие каламбурные высказывания. В материале «Три дня репортажа» журналист З. Ерошок приводит цитату, принадлежащую известному литератору: «Никто *не говорит* о том, о чем *не говорят*», - заметила Лидия Гинзбург (НГ. 17.12.07).

В нашем материале встречаются и примеры последовательного курсивного выделения тех фрагментов текста, которые указывают на точку зрения автора-публициста, выступающего как аналитика. Например, считая, что сериал «Ликвидация» снят по законам кино, обозреватель А. Боссарт делает логическое ударение на том, что в этом сериале «*психологический* розыгрыш партии «сыщик Гоцман - маршал Жуков». Не кто кого сберег, и даже не за кем правда. А - *два лица правды*, два ее генезиса». С помощью курсива здесь выделяется языковой повтор, акцентирующий внимание читателя на том, как оценивает журналист актеров, занятых в сериале: «Один из персонажей фильма слепой старик-психиатр, пытающийся описать главного злодея, говорит о нем: «Человек без лица... Он может быть всяким, его нельзя узнать...» Да, в десятках фильмах, где снимался этот актер, у него лица нет. А здесь есть. Чудесно *никакое*. Многообразно, выразительно, точно *никакое*. Зато *какие* остальные...» (НГ. 20.12.07). В приведенном примере, как и во многих других, графон выступает в составе стилистической конвергенции, обеспечивающей повышенную экспрессивность текста.

Из всего сказанного следует вывод о том, что графические средства являются неотъемлемой частью системы стилистических ресурсов современной газетной публицистики, максимально использующий возможности письменного языка.

Список использованной литературы

1. **Сковородников А. П.** Графон // А. П. Сковородников // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. - М.: Флинта, 2005. - С. 106-109.
2. **Тетеревятникова Н. Ф.** К вопросу о графических средствах выражения невербализованного коммуникативного смысла // Н. Ф. Тетеревятникова // Филология и журналистика в контексте культуры: Материалы Всероссийской научной конференции. - Ростов-на-Дону, 1998. - Вып. 4. - С. 21-22.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ДОМАШНИХ УСЛОВИЯХ В РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.

Ляценок О. А.

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

В последние годы резко увеличивается интерес к изучению иностранных языков, вызванный серьезными изменениями в общественной жизни России в постсоветский период. Процесс глобализации общества, развитие средств коммуникации побуждает людей посещать разнообразные языковые курсы или прибегать к услугам частных преподавателей. В сложившейся ситуации целесообразным представляется обратиться к опыту домашнего наставничества, существовавшего в России на протяжении XVIII - начала XX вв. Наиболее значимым здесь можно выделить период XIX - начала XX в., поскольку до этого времени домашнее образование в России не контролировалось государством и носило, по большей части, стихийный характер, а после 1917 года акцент сместился в сторону репетиторства.

Конец XVIII - начало XIX в. были отмечены нежеланием дворян отдавать детей в учебные заведения, и даже указ 1809 года, требовавший для получения выгодной служебной должности непременно наличия университетского диплома, не смог изменить ситуацию: дети продолжали обучаться дома, а программа гимназического курса сдавалась экстерном университетской комиссии. Одновременно с этим, представители иных сословий предпочитали домашнему образованию гимназическое, как дающее не только хорошую должность, но и «льготы в дальнейшей службе» [Шевелев 2003: 187]. К концу XIX в. ситуация изменилась на диаметрально противоположную: дворянство обучало детей в гимназиях и благородных пансионах, превратив институт домашнего наставничества в институт подготовки к гимназии, а низшие сословия, по большей части, не имевшие возможности обучать детей в гимназиях из-за ограниченного количества мест, были вынуждены обходиться домашним обучением.

В первой половине XIX в. домашнее обучение иностранным языкам осуществлялось, в основном, иностранцами без профессионально-педагогической подготовки, преподавателями различных учебных заведений, священнослужителями, студентами университетов, старшими учащимися гимназий и пансионов, непосредственно родителями и даже образованными слугами. В зависимости от уровня образованности, социального положения и вероисповедания одни из них становились домашними наставниками либо учителями, другие - гувернерами или боннами.

В 1812 г. Министерство Народного Просвещения издало постановление, согласно которому запрещалось принимать в качестве домашнего наставника или домашнего учителя «иностранцев обоего пола», не про-

шедших «предварительного испытания в умственных и нравственных качествах» и не получивших по его результатам аттестат. Ответственность за неисполнение возлагалась в равной степени как на родителей, «принявших в дом свой иностранца без аттестата», так и на лиц, «вступивших противозаконно в обязанности гувернера». В 1834 г. вышло «Положение о домашних наставниках и учителях», строжайшим образом регламентировавшее как образовательную деятельность домашних учителей, так и уровень их профессиональной подготовки. Вдобавок, были введены соответствующие «испытания» - экзамены, определяющие уровень их педагогической готовности. От прохождения испытаний освобождались лишь штатные учителя, преподававшие не менее трех лет какой-либо предмет в гимназиях или иных средних учебных заведениях [Сергеева 2003: 89].

Столь жесткие меры были вызваны невысокой профессиональной подготовкой иностранцев - учителей иностранного языка - или полным ее отсутствием. Причиной этому служило то, что до приезда в Россию большинство из них не имели никакого отношения к преподаванию, упражняясь «в разных ремеслах и должностях третьего рода» [Дашкова 1906: 8].

Обучение иностранным языкам в домашних условиях можно условно разделить на два типа:

1. обучение неформализованное, осуществлявшееся в ситуации «живого» общения с носителем языка;
2. обучение целенаправленное, реализовывавшееся в рамках учебного курса.

Неформализованное общение происходило стихийно, и было характерно для домашнего обучения детей разночинцев, либо людей, так или иначе вынужденных общаться с представителями других национальностей. Так, сын священника, выросший под Белозерском, в детстве «свободно говорил по-фински, но знал только язык простого народа, понимал и умел говорить только о предметах хозяйства» [Петров 1909: 9]. В семьях с более высоким достатком подобное неформальное общение организовывалось намеренно, начиналось в довольно раннем возрасте и происходило непрерывно. Для этого иностранцы приглашались жить в дом к своим воспитанникам в качестве гувернеров. «Гости в первый раз увидели молоденькую пятнадцатилетнюю Англичаночку, только что прибывшую из Лондона и поступившую в дом Бибикова в качестве не столько учительницы, сколько практикантки в английском языке, чтобы постоянно на нем говорить с маленькими дочками Дмитрия Гавриловича и Софьи Сергеевны» [Бурнашев 1872: 17]. При таком подходе доминировала устная речь, обучение языку происходило в контексте конкретных речевых ситуаций.

Целенаправленное обучение языку осуществлялось под руководством, а, зачастую, и при непосредственном участии родителей. Для литературы того времени характерны эпизоды, в которых родители, отлично владеющие русским языком, в общении с детьми используют иностранный. Причинами подобного поведения назывались использование иностранной речи в повседневной жизни как знак принадлежности к высшему обществу и присутствие слуг: «подлый народ» не должен знать, о чем беседуют между собой господа.

В роли учителей иностранного языка для своих детей выступали даже члены императорской фамилии: уроки французского Николаю I ежедневно давала Мария Феодоровна, обучение английскому языку цесаревича Алексея Николаевича «богоугодно было взять лично на себя» Александре Федоровне [Воспитание... 1912: 353].

Занятия сходящими учителями отличались регулярностью, использованием книг, одобренных государственной системой начального и среднего образования. По желанию родителей могла быть привлечена и другая литература, если она была разрешена цензурой и не имела вредного влияния. В качестве наглядных пособий использовались грамматические таблицы; составлялись вокабуляры и глоссарии. Для «развлекательного чтения» широко использовалась художественная литература классических и современных авторов [Жильяр 1921: 49].

Во второй четверти XIX века, в связи с наметившимся угасанием моды «на все иностранное», в педагогической литературе стали появляться призывы обучать детей иностранному языку не раньше, чем воспитанник преуспееет в своем родном языке и его образование получит «некоторую твердость и устойчивость» [Ширинский-Шихматов 1901: 256]. Впоследствии, это положение было подкреплено психологическими и физиологическими изысканиями разных авторов [Домашнее воспитание 1883: 6, 182].

Суммируя изложенное выше, можно сделать вывод, что к началу XX в. в России сформировалась разновальная система преподавания иностранных языков в домашних условиях. Образовательный уровень домашних наставников не только позволял обеспечить воспитанников необходимой первоначальной грамотой, но и давал возможность владения языком для свободного общения. Степень участия родителей в обучении детей была чрезвычайно широкой: от обеспечения языковой практики до непосредственного наставничества. Обеспечение учебными пособиями строго не регламентировалось: наряду с учебными книгами допускалось использование произведений художественной литературы. Организация процесса обучения все более зависела от новейших исследований в области психологии и физиологии. Приобретенные в домашних условиях знания позволяли воспитанникам в дальнейшем пользоваться иностранными языками как для бытовых целей, так и на профессиональном поприще.

Список использованной литературы

1. Бурнашев В. П. Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834 - 1850 // Русский вестник. - 1872

2. **Воспитание Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича** // Домашнее и школьное обучение: Педагогический журнал. – Варшава: Типография Института глухонемых и слепых, 1912. - № 11.
3. **Воспоминания протоиерея Леонида Петрова.** – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1909.
4. **Домашнее воспитание.** Руководство для родителей и воспитателей к воспитанию и обучению детей. - СПб., 1883.
5. **Жильяр П.** Император Николай II и его семья. – Вена: «Русь», 1921.
6. **Записки княгини Дашковой.** - СПб., 1906.
7. **Сергеева С. В.** Домашнее образование в России в первой половине XIX в. // Педагогика. – 2003. - № 7.
8. **Шевелев А. Н.** Отечественная школа: история и современные проблемы. - СПб.: «Каро», 2003.
9. **Ширинский-Шихматов А. А.** Письма о воспитании благородной девицы и об обращении ее в мире. - М., 1901.

«ДРЯНЬ, Я ТЕБЕ СКАЖУ, ЭТИ БАРЫШНИ БЛЕДНЫЕ...»

(О ПАРАДОКСАХ ЛЮБВИ В РОМАНЕ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)

Макаричев Ф. В.

Медицинская педиатрическая академия, г. Санкт-Петербург

Из бесед и поучений Федора Павловича Карамазова выделяется одно интересное жизненное наставление, которое он дает своим сыновьям: «...для меня... даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины, вот вам мое правило! Можете вы это понять? Да где же вам это понять: у вас еще вместо крови молоко течет, не вылупились! По моему правилу, во всякой женщине можно найти чрезвычайно, черт возьми, интересное, чего ни у которой другой не найдешь, - только надобно уметь находить, вот где штука! Это талант! Для меня мовешек не существовало: уж одно то, что она женщина, уж это одно половина всего...» [Достоевский 1976: 14, 125-126]. И это, действительно, не пьяный бред или блеф: у Федора Павловича такой талант был. Всю жизнь он окружал себя женщинами, причем разными - от законных жен до «дурных женщин», от писанных красавиц до «мовешек» и «босоножек».

Искренность его признаний и откровений подтверждается тем фактом, что он оказался единственным мужчиной, способным разглядеть в юродивой Лизавете смердящей женщину: «Одному барчонку пришел вдруг в голову совершенно эксцентрический вопрос на невозможную тему: «Можно ли, дескать, хотя бы кому бы то ни было, счесть такого зверя за женщину, вот хотя бы теперь, и проч.» Все с гордым омерзением решили, что нельзя. Но в этой кучке случился Федор Павлович, и он мигом выскочил и решил, что можно счесть за женщину, даже очень, и что даже нечто особого рода пикантное, и проч., проч.» [Достоевский 1976: 14, 91].

И тем более поразительно, что для такого «всеядного» сладострастника нашлись исключения: «Дрян, я тебе скажу, эти барышни бледные; то ли дело...», - признается он Алексею, недвусмысленно намекая на Катерину Ивановну. Но за этим определением - «барышни бледные» - кроется определенный тип женщин, общение с которыми не стало для Федора Павловича исключением. В его жизни такой женщиной была первая жена - Аделаида Ивановна - дворянка, красавица, эмансипированная дама, «бойкая умница». Однако, «что же до обоюдной любви, то ее вовсе, кажется не было - ни со стороны невесты, ни с его стороны, несмотря даже на красоту Аделаиды Ивановны. Так что случай это был, может быть, единственный в своем роде в жизни Федора Павловича, сладострастнейшего человека во всю свою жизнь, в один миг готового прильнуть к какой угодно юбке, только бы та его поманила. А между тем одна только эта женщина не произвела в нем со страстной стороны никакого особенного впечатления».

Здесь, конечно, можно предположить, что Федору Павловичу, как «хаму и барину», нужны были такие униженные и оскорбленные или доведенные до отчаяния, как «кликуша», его вторая жена. Однако за его словами «то ли дело...» угадывается Грушенька - совершенно иной характер, тип женщины, который трудно отнести к «забытым» и «слабым». И дело не только в том, что Катерина Ивановна и Грушенька - соперницы по сюжету. С одной стороны, это противопоставление выводит нас к поэтике женских образов в творчестве Достоевского. С другой - многое проясняет в характерах мужских персонажей, судя по предпочтениям. Мужские персонажи также можно «сгруппировать», учитывая их взаимоотношения с тем или иным типом женщин.

Итак, кто же такие эти «барышни бледные» в контексте романа «Братья Карамазовы», и в творчестве русского писателя?

Это тип достаточно «стабильный», «устойчивый». В романе «Братья Карамазовы» это, прежде всего, Аделаида Ивановна и Катерина Ивановна: аристократки по происхождению, институтки по воспитанию и образованию, «бойкие умницы», стремящиеся быть «ведущими», а не «ведомыми» во взаимоотношениях с мужчинами. В других романах к этому же типу условно можно отнести: Дуню («Преступление и наказание»), Аглаю («Идиот»), Ахмакову («Подросток»), Лизу Тушину («Бесы»), чрезмерно эмансипированную Марию Шатову. В контексте же русской литературы XIX в. черты этого типа можно усмотреть во многих героинях Тургенева - Лизе Калитиной, Елене Стаховой, Наталье Ласунской; у Гончарова - в Ольге Ильинской...

Почему же они «бледны» и в чем проигрывают таким женщинам, как Грушенька в глазах Федора Павловича, а порой и читателей? Обладая, несомненно, рядом талантов и замечательных человеческих качеств,